

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

ВНЕ СИСТЕМЫ: КРЕСТЬЯНСКОЕ СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Экономика сельского хозяйства не ограничивается товарным обменом на макроуровне. Мы рассмотрим одну из основных ячеек микроэкономики – крестьянский двор. Как меняется стратегия и тактика крестьянского двора на продовольственном рынке России? Возможна ли "разгерметизация" этого во многом закрытого для чужих участка социально-экономического пространства? Каковы возможности преодоления, "взламывания" традиционной герметичности социальных микроэкономик, которая до сих пор являлась (и является) основой безопасности, "прикрытости" их функционирования? Отвечая на эти вопросы, мы попытаемся оценить допустимые формы "подключений" микроэкономики семейного крестьянского хозяйства к потокам ресурсов более высокого уровня (местного крупнохозяйственного, регионального и надрегионального – ассоциативного и центрального).

Определение понятий

Экономику принято понимать как систему потоков денег, товаров и услуг. Под экономической системой подразумевают механизм решения проблемы выбора ограниченных ресурсов и организационно-технологических способов для эффективного (с точки зрения соотношения затрат и результатов) удовлетворения потребностей общества в продуктах и услугах.

Специфичность и даже, в определенной степени, уникальность семейной экономики состоит в том, что она далеко не всегда руководствуется соображениями экономической эффективности и выгоды. Высшая цель для нее – обеспечить "материальное и социальное" благосостояние семьи в целом или ее отдельных членов. Это означает достижение семьей определенного жизненного стандарта – согласно ее представлениям (жизненным планам) и возможностям (ведение домашнего хозяйства, поддержание здоровья и создание условий для отдыха – "физическое воспроизводство" семьи), обеспечение условий для воспитания, образования и "конструирования" будущего детей, создание возможностей для реализации профессиональных устремлений членов семьи, поддержка их усилий для занятия тех или иных статусов в различных иерархических структурах общества, поддержание социальных связей семьи – дружеских, соседских, родственных. При этом семейные цели подчинены некоторой иерархии: есть цели глобальные (лучше сказать, глубинные) и есть некая система принципов, которыми семья руководствуется в

Виноградский Валерий Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН. Адрес: 410600 Саратов, ул. Московская, 94; телефон: (845-2) 24-24-26; электронная почта: root@grape.saratov.su

Статья выполнена в рамках исследований российского села, проведенных в 1991-1997 годах под руководством Т. Шанина.

различных ситуациях, например, при выборе товаров (подешевле или покачественнее) или выборе способа дошкольного воспитания детей.

Экономические цели семьи часто не являются первичными. Они подчиняются соображениям внутрисемейного благополучия (не только материального) и являются целями инструментальными. Таким образом, экономическое поведение семьи можно рассматривать в качестве средства достижения целей социальных. В зависимости от того, к какой целеполагающей установке (которая может быть выражена и комбинацией различных целей) склоняется семья, она делает тот или иной выбор в решении ключевых "экономических" проблем: выбор того или иного способа распределения и использования ресурсов семьи (трудовых, финансовых, производственных семейных фондов, внесемейных связей и средств). Это относится к вопросам разделения труда членов семьи и выбора ими той или иной системы семейной занятости (как в рамках семьи, так и на локальном рынке труда). Это относится к способам и источникам получения семейных доходов, которые дополняются выплатами из государственной системы социальной защиты и межсемейной помощью. Это относится и к реализации полученных доходов – в том числе их перераспределению в пользу других семей или в иных целях.

Стратегические цели могут осознаваться семьей и служить ориентиром для совершения повседневных поступков или принятия долговременных решений. Однако в большинстве случаев эти цели имеют латентный характер – члены семьи об этом почти не задумываются, но при анализе семейной экономической жизни цели (стратегии) могут быть обнаружены. Ряд семей вообще существуют без этих целей – скрытых или явных. Жизнь семьи (в том числе ее экономическая сторона) не есть нечто регламентированное и уложенное в жесткие "гезельшафтные" рамки. Поступки людей вряд ли только рациональны. Схемы "человека экономического" почти не действуют при анализе событий повседневной жизни. Более того, логику поведения людей далеко не всегда и не во всем можно объяснить причинами экономической выгоды или эквивалентности. Расчетливость часто проваливается в разломы, "гемайншафтные" бездны, заполненные безучетностью, добротой, самопожертвованием и действенным сочувствием.

Опираясь абстрактными экономическими моделями, можно подумать, что семейное хозяйство есть своего рода маломощное инобытие главной экономической системы – государственной. Однако формы экономической деятельности в рамках семейного хозяйства укоренены, растворены в широком контексте неформальных взаимодействий и редко когда ориентированы просто на прибыль или на достижение жестко поставленных целей. В этом смысле такие формы не очень рациональны и не всегда заранее просчитаны, но в них всегда присутствует попытка удержаться, воспроизвестись, приспособиться, "укрепиться и жить", как выразился понимавший строй народного существования В.М. Шукшин.

Обостряя подобного рода аргументацию и ссылаясь на отечественных и зарубежных специалистов, изучающих эксплоярные формы экономики, можно утверждать, что *differentia specifica* крестьянского семейного хозяйства заключается прежде всего в том, что оно принадлежит к так называемым "формам хозяйства вне систем". Быть "на краю", "на обочине", "at margins"

главного экономического механизма того или иного общества – его (семейного хозяйства) особенность и его судьба. Такого рода хозяйственные формы – окольные. Можно сказать, что они, как правило, расположены в отдалении от магистрали. Исходя из теорий экспоненциального роста и прогресса, можно полагать, что они воплощают и поддерживают нечто социально-экономически и технологически пережиточное, несущественное, второстепенное, – как некие временные (если смотреть на них свысока) подпорки и заплатки. И далеко не случайно крестьянские семейные экономики на протяжении весьма длительного времени обозначались в отечественных общественных науках стыдливым (и в то же время весьма точным) термином "личное подсобное хозяйство". С прогрессистской точки зрения последнее, действительно, было способно лишь "подсоблять", подпирать круг центральных социально-экономических акций.

Короче говоря, не жизнь, а пережиток, не путь, а тупик, не динамика, а прозябание – вот спектр привычных определений роли и значения "форм хозяйства вне систем", к которым относится и крестьянское семейное хозяйство. Негативизм подобных определений может быть оправдан как логически, так и исторически. Логически потому, что крестьянское семейное производство (хозяйство, экономика), действительно, есть нечто неосновное, маргинальное. А исторически потому, что оно гораздо сильнее прикреплено к прошлым опытам человечества, чем к его просматривающимся перспективам.

Исключительно важно понять, каковы ориентиры семейной экономики, насколько она герметична, закрыта, противопоставлена экономическим инициативам "центра"? И что выступает в качестве этого "центра" для нее самой?

Формы эволюции семейного хозяйства:

насколько закрыт хозяйский двор

Эволюция социального пространства крестьянского семейного двора – тема историко-экономическая. Социологический ее аспект состоит в том, насколько эта эволюция может лежать в русле становления гражданского общества в России. Именно в условиях гражданского общества гарантирована социальная и личная свобода человека, и он становится свободным в выборе экономических, социальных, политических и мировоззренческих предпочтений и решений. Экономической основой гражданского общества является, во-первых, частная собственность как способ и формы присвоения результатов текущей деятельности, возможности ее воспроизводства и развития; во-вторых, наличие общественных (или государственных) средств, необходимых для формирования общей среды жизнеобеспечения, для общественной защиты человека как свободного гражданина.

В этом отношении судьба (экономическая и социальная) крестьянского двора предстает как "история и теория" унижений, третирований, подозрений и тому подобных действий и предрассудков, исходящих от государства как "центра". Незащищенность семейного хозяйства и произвольность действий центра выработали привычку к уклонению от прямых взаимодействий с экономикой государственной системы. Крестьяне предпочитают (это про-

исходило постоянно – и раньше, и в нынешние времена) контактировать либо между собой, либо с надежными снабженческо-сбытовыми посредниками. Но крестьянский двор, как правило, был и остается герметичным, автономным – в том смысле, что рассчитывает, прежде всего, на себя. Ответ на вопрос о "закрытости" двора базируется на двух классических концепциях: теории трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянова и концепции моральной экономики Дж. Скотта.

Трудовое крестьянское хозяйство, по А.В. Чаянову, живет заботами прокорма семьи и обеспечения трудоустройства ее активным членам [1]. Здесь почти нет расчета, присущего капиталистическому хозяйству – максимизировать свой доход путем эффективного использования трудовых и иных ресурсов, выбора наиболее прибыльного для производства продукта, что свойственно фермерскому хозяйству. Крестьянское хозяйство такого типа в периоды "вышей нужды" (особенно в те этапы жизненного цикла семьи, когда давление "нетрудоспособных" особенно велико – дети маленькие, работать некому) способно на высшую меру самоэксплуатации, не считаясь с почти самоубийственным напряжением своих трудовых усилий. И это же хозяйство, когда трудный этап пройден, автоматически уменьшает свою трудовую нагрузку, не стремясь максимизировать свой доход. Думается, что современный этап развития подсобного хозяйства (его весьма высокая натурализация и достаточно малая ориентация на рынок) создают предпосылки для привлечения теории А.В. Чаянова к анализу современной ситуации.

Другим концептуальным элементом является теория "моральной экономики" Джеймса Скотта, который рассматривает модель выживания крестьянского общества, постоянно существующего на грани между жизнью и смертью [2]. Так, крестьяне Юго-Восточной Азии (хозяйствующие в зоне рискованного земледелия), помимо постоянной опасности остаться без урожая, несут еще бремя обязательных выплат налогов государству и собственнику земли, у которого они арендуют землю. В таких условиях основной ориентир направлен на элементарный каждодневный "прокорм", а не на риск ради больших барышей.

Экономика выживания подразумевает, что крестьяне избегают любого риска и стремятся всеми силами обеспечить стабильность своего существования. Первый принцип безопасности – минимизировать возможности катастрофы, но не максимизировать средние доходы. Это сильно перекликается с теорией "трудоуемого крестьянского хозяйства" и очень актуально для периодов советской и постсоветской истории, которые неоднократно ставили крестьянскую семью на грань выживания. Задача такой экономики – дать возможность выжить всем (пусть даже и на самом низком уровне: "Не до жиру, быть бы живу..."). На это были нацелены институты общины, запускающие механизмы перераспределения, помощь и обмены (между семьями, внутри сельской общины, в отношениях с представителями власти), принципы моральности и уважения по отношению к жертвующим. Получая такую помощь (от другой семьи, от общины, от власти, от государства), семья становится обязанной, от нее требуется "оплатить" эту помощь в будущем. Эта помощь семье, оказанная селом, становится товаром (подобно деньгам, которые банк возвращает к себе со временем) и обязывает ее нести трудовую повинность

по отношению к селу. Тот же механизм действует в отношениях между семьей и ее патроном (благодетелем), между семьей и государством (при получении государственных субсидий). Этика выживания – это нормативное моральное понятие, которое заложено как принцип в структуру внутрисельской обменности, социального выбора предпочтительных систем аренды земли и в установки по отношению к налогообложению.

Дж. Скотт выделяет два принципа, две нормы, в соответствии с которыми "устроено" крестьянское существование: 1) норма обменности и 2) право на выживание. Эти нормы присущи крестьянскому сообществу изнутри и действуют также в его отношениях с внешней средой. Традиционные социальные институты формируют ценность защиты бедных сельчан от кризиса, обеспечивая, таким образом, общее благосостояние сельского сообщества на минимальном уровне. Эта схема представляется работоспособной для понимания социальных механизмов русской сельской общины, часть функций которой в период коллективизации перешла к колхозу, который взял на себя часть забот о выживании сельской семьи, на нем "повисла" основная социальная инфраструктура села. В первую очередь колхоз обеспечивал право занятости всех жителей села (это социальное право сейчас является препятствием на пути экономической реформы на селе, – и в этом видится прямое столкновение принципов рыночной и «беспринципности» моральной экономики).

В истории сельских семей отчетливо прослеживается их модель выживания – в первую очередь за счет своего подсобного хозяйства вплоть до 1960-х годов, когда на смену трудовым приходила система гарантированной оплаты труда. Сельская семья, которой вменялась обязанность трудиться на полях колхоза, была лишена денежной оплаты за свой труд, натуроплаты также не всегда хватало – и в этой ситуации основой для выживания становилось свое хозяйство, которое к тому же обкладывалось значительными налогами. Люди вспоминают о том, как они помогали друг другу сдавать налоги, продавать свою продукцию в городе. Здесь также действовали моральные принципы выживания.

Все сказанное в достаточной степени относится и к нынешней экономической практике. Первая половина 1990-х годов характеризуется тем, что год от года нарастает мощь и разнообразие "горизонтальных" ресурсных потоков. Отношения между членами сельского сообщества, семейными дворами насыщаются, наряду с экономическими моментами, требующими расчета и эквивалентности, такими качествами, которые в состоянии гарантировать выживание того или иного двора при любых драматических поворотах жизни. Паутина связей тонка и для постороннего глаза не всегда заметна, но достаточно прочна, чтобы не прорваться даже в самых слабых участках. Сельское сообщество сегодня мультицентрично и во многом замкнуто на себя. Поэтому можно говорить, что "центром" для крестьянского семейного хозяйства становится не рынок и не государство. Ситуацию можно обозначить как доминирование неформальной (эксплоярной) экономики.

Нынешнее устройство сельской семейной экономики основано на ее интегрированности в общинную социально-экономическую сеть. Обобщение

результатов бюджетных исследований, проведенных в семи регионах сельской России в 1995-1996 годах, показало, что неформальная (эксплоярная) часть семейной экономики построена на трех основных типах взаимоотношений субъектов социально-территориальной общности: 1) отношений родственных, соседских, дружеских, партнерских; 2) отношений с основным сельхозпредприятием (крупхозом); 3) отношений криминального характера.

В первом разряде взаимоотношений, который играет главную роль в экономическом поведении современного двора, зафиксированы следующие разновидности:

- обмен продуктами, произведенными в личных хозяйствах;
- обмен купленными товарами;
- помощь деньгами;
- помощь вещами, одеждой, инструментами, инвентарем, сельскохозяйственными оборотными средствами;
- помощь в присмотре за детьми и в их воспитании;
- уход за престарелыми;
- питание у состоятельных родственников;
- временное проживание (зимовка) у родственников, друзей, соседей;
- услуги по ведению хозяйства (подкрепление в самых трудоемких делах);
- кооперация в ведении хозяйства.

Этот тип взаимоотношений позволяет, по самым скромным оценкам, организовать такой поток ресурсов, мощность которого, выраженная в денежной форме, достигает 45-55% бюджета среднестатистической сельской семьи. То есть примерно половина сил, средств, внимания, заботы, нежности, участливости и всего иного, которое невозможно перевести в денежную форму, распространяется "по горизонтали". И "центру" в этом потоке человеческой энергии места просто нет. Он не может "достать" подобного рода усилия с помощью налоговых ловушек — многих из этих социально-экономических акций на поверхности жизни незаметно.

Первый тип взаимоотношений строится на трех основных условиях, расположенных по убыванию значимости:

- безвозмездность;
- неопределенность условий, являющихся базой для отложенной выгоды и т.п.;

на основе договоренности, как правило, не фиксируемой документально.

В отношениях с крупхозом отражаются те связи семейной экономики, которые существуют в условиях формального приложения труда к различным сферам производства. Главная сфера производства на селе — это, как правило, крупное сельскохозяйственное предприятие (колхоз, акционерное общество и т.п.). Участие в работе крупхоза дает (помимо заработной платы, доля которой в бюджете семьи колеблется от 24% на Кубани до 68% в Курганской области), семейной экономике следующие возможности:

- получение денег в виде беспроцентных ссуд;
- получение кормов;
- получение удобрений;
- получение продуктов питания за символическую цену (мука, мясо, молоко, масло, крупы и т.п.);

использование производственной техники (транспорт, трактора, культиваторы и т.п.);

использование производственного оборудования (помол зерна, обдирка круп, бетономешалки, пилорамы, кирпичные заводы и т.п.);

присвоение материалов, ресурсов, продуктов и т.п., проще говоря, воровство.

Последняя из указанных возможностей составляет третий тип взаимоотношений – криминальный. Однако этот тип не тотален и не равнодоступен. Чтобы воровать безнаказанно и систематически, необходимо иметь на это негласное право. Воровать в деревне позволено не всем. Поэтому получение кормов, удобрений, продуктов, транспортных и производственных услуг на условиях бесплатности (то есть кража всего этого) развешивается на основе ряда неписаных, но очень жестких правил. Семейное хозяйство должно эти права как-то заслужить, оплатить лояльностью, верной службой, родственными услугами и т.п. Оценка доли уворованного в бюджете семьи, в частности, по кубанским данным, доходит до 19-20%. Но это, на наш взгляд, цифра, отражающая лишь минимум уворованного.

Таким образом, крестьянское семейное хозяйство сегодня – структура гораздо более плотно "закрытая", чем раньше, когда осуществлялись и продрозверстка, и продрналог, и другие ограничения и контрольные акции центра по отношению к крестьянскому хозяйству. У этой закрытости есть свои причины.

Во-первых, факт преобразования крупных сельскохозяйственных предприятий в акционерные общества существенно ограничил возможности официальной и неформальной "подпитки" семейной экономики. Значительно ослабли финансово-ресурсные потоки от колхоза ко двору, уменьшились относительные размеры денежных выплат, премии исчезли напрочь, в связи с сокращением производства убавились и льготы.

Во-вторых, перестроилось и само крестьянское хозяйство. Оно стало активно впитывать внешние ресурсы ради увеличения количества продуктов питания, производимых членами двора. Товарное же производство снизилось из-за трудностей и дороговизны сбытовых операций. Поэтому семейное хозяйство стремительно нарастило сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами, создав тем самым некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание.

Можно сказать, что в качестве "центра" для крестьянского семейного хозяйства выступает оно само, встроенное в систему родственных социально-экономических структур. Такая ситуация существенно меняет стратегию и тактику отношения федерального центра к аграрной сфере в целом. Деревне как низовому звену территориальной организации общества необходимо предоставлять режим наибольшего благоприятствования с точки зрения самоуправления и постепенного, начиная снизу, строительства элементов гражданского общества.

* * *

Когда в деревне говорят о неких хозяйственно-экономических акциях, всегда употребляют глагол "управиться". "Управиться по дому, управиться

со скотиной, управиться по хозяйству..." и т.д. Язык точен и все расставляет по своим местам. Возвратная форма глагола "управиться" определенно указывает, что в повседневных, жизненно важных делах крестьянскому двору не нужен ни докучливый советчик, ни посторонний командир. Так оно, вероятно, и будет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989.
2. Scott J.C. The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in South-East Asia. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.